

КОМИКС
поблицер

Ф.М. Ахмеджанов

СВИТА ПАДШИХ БОГОВ:
ПУТЬ В ТИР

16+

Тайная книга (комикс)

Фарит Ахмеджанов

Свита павших богов. Путь в Тир

«Комикс Пабlishер»

2017

Ахмеджанов Ф.

Свита павших богов. Путь в Тир / Ф. Ахмеджанов — «Комикс Паблишер», 2017 — (Тайная книга (комикс))

«...День был не пасмурным и не ясным. День был странным. С утра, когда Азрик выгонял коз на склоны пологих холмов, над стоянкой было синее небо с клоками ярко-белых облаков. Обычное небо, обещающее очередной жаркий день. Но потом словно кто-то задернул над землей полог – все небо до горизонта укрыло серо-белое полотно...»

Фарит Ахмеджанов

Свита павших богов. Путь в Тир

День был не пасмурным и не ясным. День был странным. С утра, когда Азрик выгонял коз на склоны пологих холмов, над стоянкой было синее небо с клоками ярко-белых облаков. Обычное небо, обещающее очередной жаркий день. Но потом словно кто-то задернул над землей полог – все небо до горизонта укрыло серо-белое полотно.

Пастух должен разбираться в облаках. Как и во многом другом. Азрик пас коз с пяти лет и в свои двенадцать считал, что знает об облаках все. Он много перевидал их на своем недолгом веку. Над склонами Каппадокийских гор, в окрестностях Дамаска, на берегах Евфрата, в сирийских пустынях и оазисах – везде, где они останавливались, он выходил пасти коз, а облака плыли над ним.

И вот он вышел навстречу жаркому дню, но стоило углубиться в холмы, стоило козам разбрестись по их буро-зеленым склонам, как небо заволочло. Главное – не видно солнца, совсем. Боги затеяли какую-то странную игру, а когда играют боги – людям лучше держаться от них подальше. Так говорил дедушка Хор, а он-то знает. Он все знает – не счесть зим и лет, что он провел, кочуя между Палестиной и Анатолией, Евфратом и горами Ханаана. И большую часть этих зим и лет он разговаривал с богами, а они – с ним. Помогали ему. Не просто так помогали – они забрали у дедушки глаз и четыре пальца, лишили уха и волос на голове, но дедушка считает, что получил он в итоге больше. И главное – в выигрыше осталось вся семья.

Кто ты без семьи? Никто. Песок, пыль. Так говорил дедушка, так говорил и его отец, и все так говорят, и так оно есть на самом деле. Семья – главное.

В этих местах они кочевали впервые. Дедушка Хор по прибытию на новое место всегда делал обход, который занимал у него порой неделю. После было ясно, куда ходить можно, а куда – не стоит. Но сейчас дедушка заболел. А Азрик уже достаточно взрослый, чтобы самому выбирать, куда идти.

Пока что, кроме странного небесного полога ничего страшного не было – ни ветра, ни пыли, ни других примет скорой непогоды. Так что он отдался на милость Неба, загнал коз на пологий холм, а сам улегся неподалеку.

Сначала он улегся на правый бок, так был виден только убежавший куда-то вверх поросший короткой травой склон. Азрик вообразил, что его подъем нескончаем и, поднимаясь со своими козами, он сможет попасть на небо, в мир богов, где благоухают цветы и струится молоко. Нет, вспоминать про молоко не стоило – сразу засосало в животе. Да и на небо так не попадешь – если чуть приподнять голову, видна покрытая растрескавшейся глиной верхушка. Оттуда до неба далеко.

Потом он улегся на спину. Небо... он любил смотреть на небо. Глубокая синева завораживала, а облака – можно сказать, его постоянные спутники. В них сколько всего можно увидеть! И марширующие армии, и могучие крепости, и чудных зверей и птиц. Но не сейчас. Сейчас – словно серое полотно натянуто. Никогда такого не видел.

Если повернуться на левый бок, видна долина, заросший кустарником неглубокий овраг, две гряды холмов – одна другой круче, дальше – разрезанные седловинами кряжи, предгорья могучего хребта Энли, его вершины видны на горизонте. Где-то там, за ним – еще более высокие горы, которые видны в совсем ясную погоду, а за ними, как рассказывал отец, необозримое море. Соленая вода. Много соленой воды. Азрик часто пытался представить себе море, но его фантазии на это не хватало.

Осталось лечь на живот – но это сразу не сделаешь. Мешает Папс. Азрик извлек его из пазухи и поставил перед собой.

Сглаженная временем каменная статуэтка. Едва угадывается, кто изображен: толстый бородатый мужчина в странном одеянии, с руками, сложенными на животе. Самая большая драгоценность его племени. Он всегда был с ним, дедушка Хор говорил, что он охранял их еще при жизни его дедушки и даже дедушки его дедушки. Папс был всегда.

Его бы не похвалили за то, что он унес Папса со стоянки, но разве не он сейчас старший? Папс всегда был у отца – когда тот был вместе с ними, но сейчас отец ушел на промысел вместе с дядьями и братьями Азрика. Сейчас они где-то далеко, а на стоянке только детишки, женщины и глубокие старики. Даже Хевар ушел, а он всего-то на год старше Азрика, только вот ростом вышел – на голову выше. Ну да ничего, пусть Азрик невысок – зато вздуть Хевара он может, что не раз и проделывал. А что важнее, рост или сила?

Важнее, конечно, Папс. Это защита и покровитель семьи. Пока он с ними – ничего плохого не случится. На остальных куртиев много раз нападали, бывало, что вырезали целые семьи. А они до сих пор кочуют, и ничего с ними не случается. А все благодаря Папсу. Он предупреждает о приближении отрядов стражи, он показывает, где вода, он говорит, когда сниматься и куда идти. Правда говорит не сам, а устами дедушки Хора. За это они воздают ему хвалу и кормят его. За общим столом всегда стоит тарелка, предназначенная Папсу.

Говорят, даже просто коснуться статуэтки значит получить защиту и помощь. Вдова Зибо за позволение погладить Папса разрешила Азрику прикоснуться к любому месту своего тела – даже под одеждой. Ох, какая сладкая волна поднялась в нем, когда это случилось – а еще когда понял, что может потребовать большего и получит это. Это чувство – новое, сильное, тревожило и заставляло краснеть и дрожать.

Правда, если мать узнает, что он делает с вдовой Зибо, вздует так, что мало не покажется. Но оно того стоит. Определенно стоит.

Азрик помнил, с каким почтением прикасались к Папсу Куван и Зевер, два важных отцовых гостя, которые пришли в их шатер зимой. А ведь это – вожди, первые в своих семьях. Но у них нет Папса, а у Азрика есть. Конечно, до тех пор, пока отец в отлучке.

Дедушка Хор рассказывал про Папса много разных историй. Говорил, что это древнейший бог среди всех, кому поклоняются люди во всех странах. Его сила может и меньше, чем у великого Юпитера, которому молятся гордые римляне, или Ваала, которому приносят жертвы в Ханаане, но зато он свой, всегда готов помочь и послать удачу в делах. Нужно лишь ублажать его, все дела делать с его именем, а после всего, чтобы не случилось – даже если съел горсточку проса – благодарить. И особо нужно благодарить дважды – утром, что тебе подарен новый день, и вечером, что день прожит и ты, живой и невредимый, заканчиваешь его в собственном шатре. Азрик не совсем понимал, за что благодарить вечером, особенно если живот подводит от голода, а спина горит от порки, которую устроил отец за какой-нибудь пустяк. Но дедушке лучше знать.

Он поставил Папса повыше, на приметный камень. Козы разбрелись по склону, выдирая траву с корнем, опасности пока никакой. Азрик раскинул руки – солнца нет, но его лучи всепроникающи, они дают энергию всегда и везде, даже ночью! Глубоко вздохнул и стремительно понесся вниз по склону.

Это была его собственная игра. В ней он был всем – великим и могучим воином, побеждающим толпы врагов; милостивым и мудрым правителем в роскошном дворце на озере; он был птицей, что кружится в потоках воздуха и видит все вокруг; он был могучим степным львом; он был тонконогой газелью; он был равен богам, и они принимали его в свой круг. Быстрые повороты, скачки и кувырки, прыжок через камень, неудачное приземление – плевать, сначала вниз, потом – наверх, по склонам, пока грудь не начнет рваться от потерянного где-то там, позади, дыхания.

У него нет меча – ни у кого нет меча, только у отца есть короткий и слегка изогнутый кинжал, он лежит на дне сундука и вынимается очень редко. У него нет даже ножа – он еще не

взрослый, первый нож ему вручат только в следующем году. Ну и что – у него есть дубинка, которую вырезал старший брат, и она может стать чем угодно – мечом, секирой, копьем, даже жезлом волшебника, что раздвигает горы и осушает реки. Можно вообразить, что на тебе доспехи, и ты в гуще жаркой схватки; что на тебе роскошные одежды и ты принимаешь просителей, можно вообразить вообще все!

Пока снова не вернешься на пологий склон холма и не обнаружишь, что убежал слишком далеко, что надо возвращаться, собирать коз и искать им новое место выпаса.

Папс стоял на камне, смотрел то ли на него, Азрика, своего слугу и своего хозяина; а может, смотрел вдаль и видел что-то, что скрыто для людей и открыто лишь таким как он, древним богам. Мальчик затолкал его за пазуху, не забыв на всякий случай поблагодарить за помощь и попросив покровительства в будущем. Это были слова, заученные с детства, но они шли от горячего сердца, а такие слова всегда будут услышаны.

Азрик осмотрелся. Можно остаться здесь, но вся трава пожухлая и пользы от нее мало. Она посвежее, если спуститься ближе к реке, но там – торная дорога, а показываться на глаза чужакам им, куртиям, не рекомендуется.

Можно уйти к долинам на востоке, в них тоже есть трава. Правда далековато и если вдруг испортится погода... Ну да ничего. У него впереди целый день, в мешке – кусок лепешки, а в долинах много чего может найтись. Зоркий глаз – хорошее подспорье голодному брюху, было бы что высматривать.

Перевалив через холмы, он вышел на хорошую, широкую тропу. Сразу же насторожился – вроде бы никого, но лучше с нее сразу свернуть. Как на заказ влево убежала едва заметная тропинка, ныряла в неглубокий пыльный овраг, взлетала по его скату и почти сразу устремлялась в узкий проход. За ним раскрывалось замечательное место – почти круглая долина, со всех сторон окруженная поросшими густым кустарником склонами, местами довольно крутыми. Посередине долины высился небольшой холм, он был покрыт сочной и свежей травой – козы сразу же побрели туда. Азрик посмотрел по сторонам – в таких местах порой скрываются шайки дезертиров, их много сейчас шастает по окрестностям – за Евфратом идет война, великий Цезарь готовится завоевать весь мир, но нет, никаких следов.

Успокоившись, Азрик занялся обследованием этого места. Его сразу заинтересовали кусты на входе в долину – колючие и густые, они скрывали в ветвях множество тугих бутончиков. Таких он еще не встречал, но знал по собственному опыту – большинство из них вполне съедобно. Худшее, что с ним может произойти – поболит живот, но это не настолько страшно, чтобы не попробовать ими насытиться.

На вкус они оказались вполне ничего, но только-только Азрик взялся набивать ими рот, как мир раскололся. Его бросило на спину, в глазах потемнело, а когда он смог наконец-то вздохнуть – небеса пошли складками, словно кто-то пытался сдернуть их с земли, как шатер с каркаса.

Звук шел сверху и сбоку, там что-то рвалось и трещало, кто-то хотел оторвать от этого мира кусок побольше.

Азрик с трудом повернулся и сел. На другом конце долины высилась приметная рогатая скала. Звук шел от нее, от ее подножия, скрытого холмом. С холма уже летели испуганные козы. Мальчику очень хотелось убежать вместе с ними, но ноги были как вода, они больше не принадлежали ему. С ужасом, трясаясь всем телом, он пошел туда, на холм, к скале. К месту, где рождался этот страшный звук.

* * *

Звук услышал и Аполлинор. Еще бы не услышать, когда носилки чуть не слетели со склона холма. Будь прокляты эти рабы! Он давно должен быть на месте, но из-за них, именно

из-за них, немного опаздывает! Указания были недвусмысленны, нужно было сойти с дороги еще вчера, одному, дойти до долины Санфа и ожидать там. Но как это – одному! Это не лезет ни в какие ворота, чтобы он, жрец храма Аполлона Солнцеликого путешествовал по этим проклятым холмам в одиночку! Так что совет отправиться попозже, но дойти с носилками и охраной до самой долины, оказался весьма кстати. Но почему, почему он не подумал, что мудрость богов непостижима, и нужно исполнять их повеления точно? Но сейчас-то уже поздно что-то менять, и не отсылать же пустые носилки! Конечно, Аполлон поймет.

Он уставился на наспех нарисованную карту. Вот тут он сошел с дороги, здесь они прошли меж двух каменистых холмов, эти бездельники чуть не опрокинули его. Пустой колодец, обложенный камнем, потом вверх... да где же эта проклятая долина! Должен быть узкий вход, тропа, холм посередине и рогатая скала... Аполлиносор вскинул голову – ну да, вот же она! Только чтобы к ней пройти нужно сворачивать не влево, а вправо... даже боги ошибаются, когда рисуют свои карты!

* * *

Азрика несло, словно ветром, он даже ноги не переставлял. Откуда-то снизу подступал холод, ему было очень страшно, хотелось закрыть глаза, уснуть, и чтобы все это кончилось, оказалось сном!

Снова раздался треск, Азрик со всего размаха упал на вершину холма. Папс, который все еще лежал за пазухой, воткнулся ему в ребра. Азрик вскрикнул от боли.

– Эй, ты!

У Азрика словно что-то случилось с глазами. Он ясно видел склон холма, рогатую скалу, ровную песчаную площадку перед ней. На этой площадке, разрывая песок ногами, боролись три человека. И с ними происходило что-то непонятное – то уменьшались до обычных размеров, то вдруг вырастали едва ли не до неба.

Двое из всех сил пытались повалить третьего. Тот стоял в центре, упирая в песок обутые в сандалиии ноги. На нем криво висел доспех – две анатомические пластины, сверху скованные металлическими кольцами, а по бокам стянутые ремнями. Лица не было видно из-за нахлобученного на голову сплошного шлема, только борода топорщилась из-под забрала.

Он старался от доспеха избавиться, тянулся к ремням, а его противники не давали ему это делать, висели на руках, зло гнули к земле. Они были мельче и легче, но их было двое. Оба – в серых плащах с капюшонами, но в схватке они свалились.

Один, покрупнее, выделялся яркой, солнечной шевелюрой и бородой. Он, видимо, был опытным борцом, старался всем весом своего тела закрутить и заломать руку, за которую держался, прижать противника к земле. Но сил на это ему не доставало.

На голове второго был круглый шлем с крылышками, на ногах – крылатые золотые сандалиии. Он изнемогал в борьбе – тот, что в центре, медленно, но верно поднимал руку, отрывая его от земли.

Азрик сделал еще один шаг. Картинка изменилась – центральная фигура стала огромной, выше скал, буквально до неба. Но противники не отвалились, секунда – и они снова одного размера.

Тот, что в центре, чуть присел, потом резко выпрямил ноги. Солнечноволосяный лишь подпрыгнул, продолжая удерживать правую руку. А вот мелкий дернулся, левая рука, которую он из всех сил старался удержать, согнулась. Его противник резким кивком воткнул забрало ему в лицо. От удара шлем треснул, стали видны бешеные глаза, а мелкий с разбитым лицом кубарем покатился по песку.

Освободившейся левой рукой высокий ударил солнчноволосяного, потом попытался развязать пряжку на кирасах. Когда это не получилось, он уперся ладонью в лицо противника и

уже почти освободил свою правую руку, когда мелкий, подобрав с земли какую-то дубину, изо всех сил ударил его по голове.

Раздался все тот же раскалывающий весь мир на части звук, высокий упал лицом в песок. Азрик тоже не удержался на ногах, со всего маха опустившись задом на склон холма. Он полностью оглох.

Мелкий отбросил дубину в сторону. При более внимательном рассмотрении видно, что это не дубина – узкий топор с двумя противостоящими лезвиями и круглым набалдашником, очень богато украшенный. Мелкий достал его из полуразобранного тюка, валяющегося прямо перед скалой.

Высокий не подавал признаков жизни. Мелкий подошел к нему, осторожно ткнул носком сандалии. Второй, с солнечной шевелюрой, торопливо рылся в вещах.

– Ты же говорил, что твое зелье будет действовать! И где?! Ты вообще понимаешь, что сейчас может произойти? – зло сказал он мелкому.

Азрик видел, что делает солнечноволоосый, видел, как открывается его рот. Но вот то, что он говорит – доносилось не через уши. Голос рождался где-то внутри, гудел как колокол, грозя разбить череп.

Мелкий осторожно ошупывал лицо, все в ссадинах и царапинах.

– А где твой жрец? Он давно должен быть тут! У нас все готово!!! – огрызнулся он.

Его «голос» был тоньше, но тоже бился в голову, грозя ее разломать.

Высокий издал протяжный стон. Парочка замерла.

– Если ты еще раз ударишь его либрисом – знаешь, что будет? И так звон на всю Ойкумену! Может, лучше просто всем обо всем объявишь?

– А что мне оставалось делать? Подождать, пока он тебя размажет?

– Я бы с ним справился! – прошипел солнечноволоосый.

– Ага, конечно!

Переругиваясь, они торопливо достали из вещей трубки и большую медную чашу, собрав переносной жертвенный треножник – мальчик видел похожие в храмах. Мелкий вынул несколько мешочков и, шевеля губами, аккуратно насыпал из них в чашу пылящие порошки, залил все сверху тягучим ярко-желтым маслом.

– И как зажигать? Тут нужен человек!

– Будет тебе человек!

Азрик обнаружил, что снова идет к месту схватки. Взгляды двух нападавших – один у треножника, второй у лежащего на песке высокого – скрестились на нем. Мальчику стало горячо. Ему было нестерпимо страшно, живот превратился в камень, но он шел и шел к ним.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил солнечноволоосый. У него светло-голубые глаза. У него ярко-красные губы. У него приятный, звучный голос. Голос, привыкший повелевать.

– Азрик.

– Какое красивое имя!

Солнечноволоосый прищурил один глаз.

– Кажется, тебя ждет немало интересного в жизни. Можешь мне верить, я прорицатель... в какой-то степени. Но сейчас ты должен нам помочь.

Мальчик испытывал страстное желание сделать все, что просит у него солнечноволоосый, расшибиться в лепешку, стать червем, пылью под его ногами, чтобы... но тут он споткнулся и упал, в ребра ему вонзился Папс, и резкая боль смыла с него это наваждение. Снова им владел лишь страх.

– А что мне надо делать?

Губы солнечноволоосого скривились, он вдруг потерял всю свою неопишемую красоту. Его взгляд внимательно ошупывал мальчика – казалось, что одежда сейчас задымится.

– Нам нужно, чтобы ты поднес факел к вот этой чаше, – медленно сказал солнечноволо-
сый. – Но сначала дай-ка я...

Он внезапно оказался совсем рядом и протянул руку прямо к тому месту, где у мальчика под одеждой был скрыт Папс. Азрик заледенел, но в этот момент лежащее на песке тело вдруг задержалось.

– Быстрее, – истошно завопил второй, подбегая к лежащему с занесенным либрисом.

– Что ты делаешь! – не менее истошно заорал солнечноволо-
сый, бросаясь к нему. – Только попробуй!

Голос – ясный, холодный, но почему-то удивительно знакомый, раздается прямо в голове мальчика.

– А вот сейчас самое время сделать отсюда ноги.

Азрик всецело согласен с ним. Но только-только он начал разворачиваться, чтобы бро-
ситься наутек, как перед ним уже снова появился солнечноволо-
сый. Его губы изогнуты в недоб-
рой усмешке, в руках – либрис. Краем глаза Азрик видит, что второй навалился на лежащего.

– Интересный ты мальчик, – мягко говорит солнечноволо-
сый. – Жаль, что у нас так мало
времени для более близкого знакомства. Зажги это.

Мальчик на деревянных ногах подошел к треножнику. В руках у его сопровождающего
как по волшебству оказался факел. Он сунул его Азрику, факел неожиданно оказался очень
тяжелым, мальчик едва смог его удержать. Миг – факел вспыхнул.

– Давай!

Мальчик нервно оглянулся. Высокий и мелкий возились в песке. Он поднес факел к чаше
треножника, вспыхнуло жаркое пламя, вспыхнуло так быстро и сильно, что Азрик сел на песок.

Солнечноволо-
сый простер руку над пламенем, грозно сказал что-то на непонятном
языке. Скала треснула, осыпался камень, обнажился вход в пещеру. Черный полукруг, из кото-
рого повеяло могильным холодом.

Послышался шум. Высокий неимоверным усилием поднялся на колени, мелкий висел на
нем. К нему присоединился солнечноволо-
сый, вдвоем с товарищем они снова скрутили про-
тивника. Из тела высокого струился тонкий черный песок, он летел по воздуху и, закручива-
ясь, исчезал в отверстие дыре. Для обоих похитителей этот песок оказался полным сюрпризом,
мелкий даже попытался размахивать руками, то ли стараясь удержать песок в теле закованного,
то ли поймать его. Выглядело это крайне нелепо.

– А теперь – беги изо всех сил, – снова раздался в голове чистый и странно знакомый
голос.

На этот раз ноги послушались Азрика, но послушались по-своему. И понесли его не
назад, а вперед – подальше от страшных фигур, одна из которых начала страшно, задушено сто-
нать, а две другие злобно ругались вполголоса. Он пробежал перед разверстым зевом пещеры.

Он пробежал прямо через поток черного песка. Тот покалывал его кожу, Азрик погру-
зился в него с головой и даже вдохнул его в себя, раз и другой. Закашлялся, но скорости не
сбавил.

– Сто-ой! – злобный крик солнечноволо-
сого его не остановил. Азрик побежал еще быст-
рее – мимо скалы, мимо заросшего кустарником склона, за холм.

– Да успокойся ты, – услышал Азрик напоследок за своей спиной голос мелкого. За спи-
ной, не в голове. – Он смертный, тоже мне проблема. Потом разберемся. Давай, подняли!

На гребне холма мальчик обернулся. Двое как раз затаскивали противника в пещеру. Тот
не сопротивлялся, его ноги волочились по земле. В разломанном забрале шлема Азрик ясно
увидел его лицо. Оно было искажено страшным страданием, из глаз текли слезы.

– Не задерживайся, – прозвучал в голове все тот же голос. – Через сотню шагов вправо
в горы уйдет тропинка. Беги по ней.

* * *

Аполлинон всплеснул руками. Он у рогатой скалы, но только сейчас сообразил, что видит ее с изнанки, то есть он должен был быть совсем в другом месте. Покров небес треснул, на бледном мареве появились голубые полосы, быстро превращающиеся в обычные облака.

– Я опоздал, – прошептал Аполлинон. – Я опоздал! Великие боги, я опоздал, что же мне делать! Я не виноват!

В остервенении он схватил палку и изо всех сил ударил одного из рабов, тот упал ничком, привычно прикрыв голову. Жрец нанес ему несколько ударов, пнул. Слегка успокоившись, отошел.

– Сделанного не изменишь, – сказал он. – Пульций, вытащи треножник.

Один из его спутников, тощий, с острым лицом, начал раскладывать на земле все необходимое. Аполлинон погрузился в мрачные размышления.

* * *

Последний грохот стих. Азрик бежал вверх по склону горы по тропинке, которую нашел по наводке странного голоса, возникшего прямо у него в голове.

С места, где он остановился, открывался вид на всю долину. Она была пуста, на площадке перед скалой никого и ничего не было. Азрик без сил опустился на камень.

– Надо возвратиться... собрать коз... – обращаясь непонятно к кому, сказал он.

– Надо, – ответили ему.

Мальчик вскочил, развернулся и чуть не упал. Рядом с ним стоял странно знакомый человек. Невысокий толстяк, одетый в длинную белую рубашку из тонкой шерсти, с широкой пурпурной каймой по нижнему краю, подпоясанный поясом с золотыми кистями. На голове – войлочный колпак, обшитый блестящими бляхами, в черной завитой бороде там и сям мелькают седые пряди. Глаза черные, то смешливые, то пронзительные. Недобрые. Руки сложены на объемистом животе.

Азрик торопливо схватился за Папса. Вернулся страх. Он сильнее стиснул статуэтку. Толстяк поморщился.

– Поаккуратнее там, – сказал он и передернул пухлыми плечами. – Ты меня, значит, теперь видишь?

Мальчик кивнул, с трудом согнув вдруг потерявшую гибкость шею.

– Понятно. Пошли, кое-что надо сделать.

Язык Азрика словно примерз к гортани, он стоял и пялился на неведомого гостя.

– Пошли, говорю, – раздраженно скомандовал тот. – Времени нет.

– Кто ты? – едва выдавил из себя Азрик.

– Я тот, кто оберегал ваше племя на протяжении невесть какого времени, – сказал толстяк. – Тот, кого ты сейчас так сильно сжимаешь.

– Ты... Папс?

– Чего-чего? Ты говоришь с Папсуккалем, великим визирем и вестником Небесного Ашшура!

Азрик бухнулся на колени, его всего трясло.

– Да чтоб тебя, – вне себя заорал толстяк, топая ногами. – Да пусть будет Папс, пусть будет что угодно, но вставай и пойдем!

– Но... ты же... я... – лепетал Азрик. – Ты же бог, как же я...

– Потом все объясню, потом, – нетерпеливо отмахивался Папс. Или Папсуккаль, великий визирь и кто там еще. На ногах великого визиря были замысловатые веревочные сандалии, но

Азрик обратил внимание, что несмотря на широкие шаги при ходьбе его сандалии не касались земли.

Он попытался ухватить край одеяния толстяка. Рубашка оказалась очень тонкой и скользкой, но была материальна. И его спутник явно не был прозрачным. Азрик приободрился.

– Быстрее, быстрее, – подгонял его Папсуккаль. Он шел – или летел – в шаге перед ним, поминутно оглядываясь и понукая мальчика.

– А кто ты? – с языка Азрика слетел один из тысячи роившихся там вопросов.

– Ты глухой, что ли? Я Папсуккаль, великий визирь Небесного Ашшура. Последние несколько сотен лет, – губы толстяка изогнулись в невеселой усмешке. – В меру сил помогаю вашему племени.

– Но Папс... вот он! – Азрик ткнул пальцем в статуэтку, которую все еще держал в руках. Толстяку словно дали пинка.

– Никогда так больше не делай, – прошипел он, потирая задницу. – И не называй меня Папсом! Я Папсуккаль, великий... в общем, давай быстрее. Горе ты мое...

Толстяк был явно гораздо менее опасен, чем те, что недавно дрались у рогатой скалы. Азрик приободрился.

– А куда мы идем?

– Надо забрать кое-что.

– Что? Мне надо коз собирать, меня же вздуют...

– Вздуют – это, знаешь ли, наименьшее из того, что с тобой может случиться, – проворчал Папсуккаль. Он плавно перелетел через камень.

– А кто это был? И что это было?

– Что это было, – мрачно буркнул Папсуккаль. – Это я и сам не знаю. Но что-то страшное, что будет еще иметь последствия. Ох, будет...

Они обошли холм и подошли к рогатой скале. О том, что там недавно происходило, свидетельствовал лишь разрытый песок.

– Ищи давай...

– Чего искать?

– Помнишь черный песок, который летел из того бедняги?

Азрика передернуло.

– Еще бы.

– Вот, ищи его. Везде смотри. И собирай.

Азрик пожал плечами, но последовал приказу. Толстяк рыскал рядом со скалой, приглядываясь и принюхиваясь.

Черные песчинки – крупные и тяжелые – лежали вперемешку с обычными. Азрик успел набрать горсть и размышлял, куда это можно высыпать, как Папсуккаль позвал его.

– Здесь. Давай сюда.

В том месте, где он стоял, неведомым ветром нанесло целый холмик. Следуя указаниям толстяка, Азрик аккуратно собрал его. Пришлось пожертвовать краем совсем новой рубашки. После увязки в ткань получился довольно увесистый сверток.

– Клади в свой мешок, – скомандовал Папсуккаль.

– А что это такое?

– Это, брат, нечто... очень важное, – туманно ответил толстяк. – Может быть, самое важное на свете. Кстати, он на тебе должен быть – ты ведь через поток прошел. Ну-ка, отряхнись.

Странное дело – ни песчинки не нашлось. Даже в волосах – хотя Азрик точно помнил, что туда набилось их немало, они кололись. А сейчас – и след простыл.

Папсуккаль, поджав губы, обошел вокруг мальчика, придирчиво оглядывая его с ног до головы.

– М-да, странное дело. Ну, да ладно. Поищи тут еще.

– Не буду, – заупрямился Азрик. – Мне надо коз искать! Мать знаешь как вздует!

– Возвращаться на стоянку мы не будем, – деловито заявил Папсуккаль. – Незачем. Нам надо сейчас идти в город, в какой-нибудь храм.

– Еще чего!

Они препирались довольно долго, и Папсуккаль наконец сдался, заявив лишь, что Азрик, возможно, упускает лучший шанс своей жизни. Азрик ответил, что он пока видит лишь шанс получить грандиозную взбучку от матери. Кроме того, он не может лишать племя покровителя. Толстяк пробормотал проклятие на незнакомом ему языке и сказал, что пойдет отдохнуть. И исчез.

Азрик аккуратно положил черный песок к себе в котомку и побежал к выходу из долины, гадая, не спит ли он.

* * *

Аполлиносор сыпал проклятиями. Он уже два часа пытался разжечь пламя на походном жертвеннике, но ничего не получалось. Трут просто не хотел разгораться, а если разгорался – не принималось пламя в чаше. Более явного знака неблагосклонности бога и придумать трудно.

Вконец отчаявшись, Аполлиносор угрюмо сел на стоящие на земле носилки. Рабы кучковались неподалеку, опасливо поглядывая на него. Взятый им для охраны отряд Чернозубого дрых в отдалении. Жрец охватил голову руками и погрузился в печаль.

Подошел секретарь Пульций, со слабой, будто приклеенной улыбкой. Нервно перебирая руками готовые восковые таблички, начал:

– Господин, что мы сейчас...

– Отстань!

– Но...

Речь секретаря прервал треск и гудение – вспыхнуло пламя в чашах жертвенника. Пульций ретировался. Аполлиносор опустил на колени перед огнем.

– Великий Аполлон, я...

В гудении пламени ясно слышался голос.

– Молчи, червь. Я все про тебя знаю. Обошелся без тебя. И впредь обойдусь!

Черное отчаяние овладело жрецом.

– Но... но...

– Обойдусь, если еще раз меня разочаруешь.

– Все, что хотите!

– Нам помог мальчишка. Пас коз тут, в округе. Куда-то он исчез... поймай его.

Лоб Аполлиносора стукнулся о землю.

– Непременно поймаю! Но что с ним делать?

– Пока ничего. Поймай и держи при себе.

– Слушаюсь и повинуюсь!

– Еще бы...

Пламя, странное, неровное, словно в нем одна часть боролась с другой, медленно потухло, пошел темный дымок. Аполлиносор вскочил.

– Так... все ко мне! Пульций, Чернозуб!

Рабы медленно вытащили носилки из тени, от команды охранников отделился старый, но все еще крепкий невысокий человек в неполном солдатском доспехе.

– Здесь был мальчишка, пас коз. Надо его найти.

– Кто ж здесь пасти коз будет? – удивился Пульций. – до ближайшей деревни два дня пути.

Чернозубый сплюнул.

– Тут сейчас шастают семьи куртиев, наверное, он из них.
На лице Пульция было написано глубочайшее презрение.
– Куртии... зачем нам нужны куртии? Эти грязные...
– Ты сможешь найти их? – оборвал его причитания Аполлинор.
Чернозубый пожал плечами.
– Кудра одно время с ними жил, он должен знать, где они обычно ставят лагерь.
– Так что стоишь?! Давай, зови своего Кудру или как его там, и ищите этот лагерь. Вернее, нет... пойдём все сразу туда. Эй!
Рабы поднялись и понесли к нему носилки. Чернозубый сделал знак своим:
– Эй, парни, за дело. Надо кое-кого найти...

* * *

Найти коз оказалось задачей непростой. Азрик подозревал, что Папс – или как там его, Папсуккаль – мог бы ему в этом деле помочь. Но помогать не захотел, исчез и вообще никак себя не проявлял.

Своих коз мальчик знал хорошо – они не любили делать лишних движений и должны были быть недалеко. Поэтому сначала он обежал все холмы поблизости, потом увеличил радиус поисков.

Уже начало смеркаться, когда он обнаружил беглянок – как ни в чем не бывало они паслись на каменистом склоне холма. Возблагодарив богов (и Папса!) за удачу, Азрик заторопился домой.

Куртии редко жгут костры. Они прекрасно умеют это делать, но костер в ночи виден издали и привлекает слишком многих. А привлекать кого бы то ни было куртии не хотят. Их мало кто любит. Их обвиняют во всем – от кражи кур и лошадей до колдовства. Иногда обвинения обоснованы, иногда – нет, но на отношение это влияет мало. Именно поэтому семьи куртиев редко долго держатся на одном месте.

И именно поэтому они не жгут костры. Подходя к последней гряде холмов, Азрик увидел зарево и сразу понял, что дело плохо.

Он не бросился опростеть смотреть, в чем дело. Тот, кому приходилось убегать часто – почти никогда не убегает сразу. Сначала он отогнал овец в овраг. Убедившись, что они оттуда никуда не денутся – обошел холмы и взбежал на гребень.

Предчувствия не обманули. От стоянки остались одни головешки. Повсюду были разбросаны вещи – распоротые и вывернутые наизнанку.

Между тлеющих головешек и мусора бродили какие-то люди. Поодаль стояли носилки, рядом с ними сидели пятеро, они в разгроме не участвовали. Важный толстый господин допрашивал дедушку Хора. Тот не мог стоять, все время падал, тогда двое дюжих молодцев, стоявших слева и справа, поднимали его. И били.

Кто-то кричал. Крик был женский, и там, в тени, возились трое или четверо. Неподалеку лежали тела, они не двигались – двое взрослых и двое детей. Дальше еще два или три, они лежали вповалку, не разберешь.

Поодаль трое запрягли волов, главное богатство семьи. Он слышал про такое, он знал, что прошлой зимой на берегу Евфрата вот так вот вырезали семью Нуроza, четыре дюжины человек. А теперь, значит, пришел их черед.

Толстяк махнул рукой, один из державших дедушку сделал быстрое движение. Так отец резал баранов. Дедушка упал лицом вперед и больше не двигался. Его убийца пошел в тень, присоединившись к сопящей там куче. Второй стоял рядом с толстяком, слушал его. Толстяк горячился, всплескивал руками, потом махнул рукой и отправился к носилкам. Его собеседник, бородатый, кряжистый, свистнул остальным – те, ругаясь, потянулись к нему. Женские

крики из тени резко оборвались – Азрик вдруг понял, что это кричала вдова Зибо. А теперь она замолчала, и он понимал, что никогда больше она не будет ни кричать, ни говорить, ни даже шептать.

Удача отвернулась от вдовы Зибо, и от дедушки Хора, и от всей их семьи.

Нападавшие ушли по направлению к реке. Азрик сел в траве, пытаясь собраться с мыслями. Он хотел спуститься вниз, поискать маму, сестер, но очень боялся, что нападавшие ушли недалеко, что они вернуться и схватят его.

Внизу, в полосе кустов у подножия холма, послышался шорох. Азрик вскочил, вглядываясь. Ребенок, в два раза меньше него.

Маленькая Сейран спаслась. Она молча провела его в лощину неподалеку – там были все, кто смог убежать. Азрик увидел свою старшую тетку Шилан. Мамы нигде нет...

Только тут, в окружении своих, Азрик заплакал.

* * *

Аполлиносор сидел на носилках. Чернозубый устроился неподалеку, он с удовольствием разглядывал старинный кинжал, который выудил из сундука на этой вонючей стоянке. Единственная ценная добыча – не считая женщин и пяти тощих волов, которых завтра уведут в ближайшую деревню и загонят. Чернозубый не чурался никакого заработка.

Самодовольный вид помощника безумно раздражал жреца, но, зная репутацию Чернозубого, он молчал. Неохота связываться. А ведь когда-то думалось ему, что повезло – заполучил такого в подручные. Все найдет, любого из-под земли достанет, при этом – вежливый и услужливый. Только ненадолго хватило этой услужливости. Как только Чернозубый понял, что достаточно вошел во все дела Аполлинора, как только стал жизненно необходимым – сразу изменил и тон, и поведение. Как подменили человека. Или подмененным был тот, вежливый?

Ерунда, конечно... стоит ему набрать силу и вес – и все эти Чернозубые станут на одной ножке прыгать по его приказу. Сейчас – да, сейчас есть какие-то небольшие проблемы. Но они временные. Аполлон не бросит своего верного слугу!

Аполлон... жрец передернул плечами. Его страшил предстоящий разговор. Боги, боги, почему вы не понимаете, насколько тяжело порой выполнять ваши приказы!

Аполлиносор щелкнул пальцами. Рабы развернули треножник, Пульций, угодливо улыбаясь, полил веточки маслом. Аполлиносор посыпал их особым порошком из мешочка, что висел у него на груди, взялся за трут и обнаружил, что Чернозубый не отошел вслед за Пульцием, а стоит рядом.

– Не знаешь правил, что ли?

– Любопытно мне, – лениво отозвался его помощник. – Как-то вы по-особому все это делаете.

– Как делаю – не твоего ума дело. Отойди вон...

Чернозубый пожал плечами и подчеркнуто медленно отошел к своим. Аполлинора передернуло. Слишком нахален стал... слишком.

Он чиркнул кресалом – зажглось сразу, сильно и мощно. Аполлиносор подивился – как и днем, пламя было неровным, словно боролось само с собой.

Великий Аполлон отозвался почти сразу.

– Сделал? Нашел мальчишку?

– Нет, о великий Аполлон! Я отыскал стоянку его семьи, но он, видимо почуяв неладное, успел сбежать!

– Ах ты жирный ублюдок, – раздалось в ответ. – Думаешь, я не знаю, в чем дело? Вместо того, чтобы подойти к стоянке и спокойно его подождать, вы ее подпалили. Во имя всего – зачем?

Аполлинор поежился.

– А как бы я узнал, где он? Зато сейчас я знаю, как его зовут. Асри.

Из пламени послышалось шипение.

– Его зовут Азрик. Идиот!

Некоторое время кроме потрескивания огня ничего не было слышно. Потом раздался голос. В нем слышалось отчаяние.

– У меня сейчас вообще, совершенно нет времени. И в будущем его не будет. И послать некого. Но этого маленького гаденыша надо поймать.

Поэтому я могу тебе обещать. Если ты поймаешь его, моя награда будет велика. Очень велика. Поверь, ты даже не знаешь, насколько она будет велика.

Но если ты его упустишь – ты будешь наказан. И здесь тоже могу тебе обещать – такого наказания ты представить себе не можешь. Старайся как угодно – но это за пределами твоего ума. Тебя накажут так, как не наказывали еще никого.

Аполлинор сглотнул.

– Но великий Аполлон, – почему-то он перешел на шепот. Хотя он знал, что все равно будет услышан, даже если будет говорить просто в мыслях. – Великий Аполлон – чем же так важен этот мальчишка?

– Не твоего ума дело, – буркнуло ему пламя. – Найди его. И все. Понял?

– Понял, великий Аполлон. Я сделаю все, чтобы выполнить ваше повеление!

Пламя погасло. Аполлинор тщательно вычистил и вымыл чаши – эту работу он всегда делал сам, не доверяя ее рабам. Потом Пульций накрыл ему ужин, наскоро сооруженный из захваченных из дома припасов. Потом Аполлинор, верный принципу, что утро вечера мудренее, лег спать. И все время, до того, как его сморил сон, он пытался представить себе то ожидающую его награду, то ждущее его наказание.

Получалось плохо.

* * *

Чтобы увидеть, нужно уметь смотреть.

Возможность смотреть дана нам с рождения. Только возможность. Мы все ею пользуемся – зеленый лес, голубое море, серые утесы, лицо матери – все это окружает нас и большинству этого достаточно.

Умение видеть проявляется вместе с вопросами. Почему при полном отсутствии ветра на поверхности озера иногда возникает рябь – словно над водой стремительно пронеслась птица. Но птиц нет. Почему порой вдруг взволнуются листья и ветви, от чего – или кого – стремительно убегают олени и зайцы, ведь в округе нет ни охотников, ни дровосеков. Почему в спокойном море вдруг зарождаются волны? Что порой срывает огромные камни со скал?

Что скрывает от нас наш мир, что мы увидим, если заглянем за него? Понравится ли нам увиденное?

Подкладка нашего мира полна загадок. Но для кого-то это – их мир, их жизнь, их обыденность.

В одном из мест этого мира, вознесенном на невероятную высоту – если считать нашей меркой, сами эти существа воспринимали все совсем иначе, встретились двое. Азрик узнал бы их. На одном были крылатые сандалии и странный круглый шлем, кудрявые волосы и борода второго сияли, как солнце. На этот раз – никаких плащей, лишь белоснежные хитоны с кантом, пурпурным у первого и золотым у второго.

– Мы же договорились не встречаться пока, Аполлон, – устало и раздраженно сказал первый. – Пока хоть немного не уляжется эта суматоха.

– Знаю и помню, – ответил второй. Не менее усталый и раздраженный. – Но дело не терпит. Этот мальчишка...

– Что тебе с него?

– Я не люблю, когда дело не доделано. Что-то в нем было. Что-то или кто-то. С ним или в нем. Я не разглядел. А сейчас это тревожит меня. Тревожит, Гермес!

– Твои предчувствия стоит принимать во внимание, – медленно сказал первый. Потер пальцами лицо. – Тот Египетский просит о встрече, – ни к селу ни к городу сказал он. – В Александрии вспыхнул храм Юпитера. Ты ожидал этого?

Аполлон покачал головой.

– Нет. Я ничего не ожидал. Думал, что это будет проще. Папочка наделал слишком много дел...

– А где либрис?

Аполлон скривился.

– Эти... постановили, что пока его никто не может взять. Так что либрис у Гефеста. Который сверлит меня своим единственным глазом... и отказывается встречаться.

Гермес покачал головой.

– Естественно, он все понял. Да уж, положение. Но обратного пути нет. Я буду успокаивать египтян, ты давай успокаивай Олимп. А что касается мальчишки...

Он наклонился, поднял кусочек глины. Раскатал его в ладонях в тугий шарик, вынул стило, аккуратно нацарапал на поверхности пять витиеватых значков. Снова покатал.

– Вот, возьми. Трюк простой, но действенный. Вспомни этого парня – ты же его видел, и вспоминая – катай в ладонях *арцет*. Потом пропусти через жертвенный огонь и отдай кому-нибудь из людей. Он будет катиться в сторону мальчишки – где бы тот ни находился.

Аполлон взял в руки шарик, усмехнулся.

– Сколь многому надо еще учиться...

Покатал кусочек глины в ладонях, мыслями же был далеко.

– Из отца посыпался *арнум*...

Гермес скривился.

– Да, это было... неожиданно. Но хотя бы понятно, почему так плохо подействовало зелье Гекаты. Он, значит, всегда носил его с собой – на всякий случай. Эх... Было бы время – я бы его собрал. Он бы мне пригодился...

– Надеюсь, – медленно сказал Аполлон, – что его никто не собрал и он так и остался там, в песке. И уже растворился в нем.

– Ну, это уже паранойя, – улыбнулся Гермес. – Смертный не может до такого додуматься. Что там у озера?

– Собрание. Посейдон неистовствует. Аид... он все понял. На твоём месте я бы не встречался с ним. По крайней мере – в ближайшее время.

Гермес поежился.

– А Гера и ее банда?

– Сохраняют полное спокойствие. Смотрят, слушают и что-то там промеж себя шушукуются. Сегодня я встречаюсь с Афиной.

– Угум. А остальные?

– Остальные – как и ожидалось. Вот только Геркулес...

– Что Геркулес? Оторвался от своих упражнений?

Аполлон махнул рукой.

– Ничего. Тревожно мне, – снова пожаловался он. – Спасибо за *арцет*.

Боги не уходят и не исчезают. Они просто появляются в другом месте.

* * *

Шилан смотрела на него. Не так, как обычно. Это пугало, и Азрик заплакал еще сильнее, хотя и понимал, какой это позор – плакать при женщинах.

Среди спасшихся была его маленькая сестра Гювенд, она бросилась к нему, сильно обняла, тоже заплакала, повторяя быстро:

– Мама. Мамочка. Мама...

– Гювенд, отойди от него, – сказала Шилан.

– Почему!

– Человек спрашивал, где Азрик. Его искали. Из-за него всех нас убили.

Чьи-то руки оттащили от Азрика сестру. Та заплакала в голос, но быстро осеклась.

– Я... – глотая слезы, начал Азрик. – Я просто...

– Молчи, – сурово сказала Шилан. – Ничего не хочу знать! Иначе проклятие перейдет на нас!

Остатки его семьи столпились за ее спиной. Подальше от Азрика.

– Уходи! – сказала Шилан. За ее спиной зашептались, громко всхлипнула Гювенд.

– Молчите! – зашипела на них тетка. – Передо мной сын Измана и Фато! Боги не дали мне детей. Он мне был как сын и никто не может обвинить меня в нелюбви к нему! Никто! И сейчас мое сердце обливается кровью! Но на нем проклятие, и это сказала не я! Это сказал дедушка Хор!

– Он сказал совсем другое! Он сказал «Бедный Азрик»!

Шилан выпрямилась. Было видно, насколько тяжело ей это дается.

– Это одно и то же, – тихо сказала она. – Что-то произошло. Дедушка Хор встал, заплакал и сказал это. А потом они пришли и всех убили.

Азрик с огромным трудом овладел собой.

– У меня Папсуккаль... Папс. Я должен его вернуть, он же оберегает семью...

– Семьи больше нет, – устало сказала Шилан. – И он не уберег нас. Ты унес его.

– Но папа и мужчины... они же вернуться!

– Куда им возвращаться? Никто не знает, где они и когда вернуться... Мужчины!

Тетка тряхнула головой.

– Ладно. Сейчас мы должны... – ее взгляд упал на Азрика. – Тебе надо уходить, милый, – тихо, совсем другим голосом сказала она. – Они вернуться за тобой. Тебе надо бежать!

– Куда бежать?

– Не знаю. И не говори мне, куда ты пойдешь, чтобы я не могла рассказать об этом тем, кто за тобой гонится. Папс... бери его с собой. Он ведь был с тобой, когда все произошло. Чтобы это ни было – он разделит с тобой это проклятие.

Азрик изо всех сил пытался сдержать слезы.

– Наши козы... я оставил их в овраге. Там, где вы вчера собирали можжевельник.

Тетка кивнула.

– Гювенд, дай ему лепешку из тех, что мы собрали. Только не касайся его. Пожалуйста.

Его маленькая сестра завязала в чистую тряпочку две лепешки, вызывающе посмотрела на тетку – та отвела взгляд. Из глаз Гювенд лились слезы. Азрик принял, прошептал ей:

– Держись, дочь Измана и Фато! Держись, сестра!

Из его глаз тоже текло. Он собрался с духом, встал и поклонился – сначала своей семье, которая перестала быть его семьей, потом – разоренной стоянке за холмами. Повернулся и пошел прочь.

За его спиной тихо всхлипнула маленькая Гювенд. На нее никто не шикал.

* * *

Аполлинору было плохо. Уже четыре дня в этих горах. Он опоздал на встречу, на которую нельзя было опаздывать, он не поймал того, кого надо было поймать. Куртии словно растворились в траве – поздним утром они нашли овраг, в котором собрались уцелевшие, и все – их следы терялись. Одни говорили, что они ушли на север, другие, что на юг, можно было спорить до хрипоты, но ни к чему это не приводило. Чернозубый требовал – да-да, требовал, не просил – денег для найма еще пары десятков человек, чтобы проверить все направления.

А у Аполлинора разболелась голова. Ему хотелось домой.

Чернозубый снова торчал рядом, когда он устанавливал треножник, клал на его чашу тщательно подготовленные дрова и поливал их маслом. Масла, кстати, осталось совсем мало. Пришлось несколько раз цыкнуть на своего помощника – и только после того, как тот с независимым видом отошел, Аполлиносор посыпал масло чудодейственным порошком и чиркнул кресалом.

Занялось сразу и сильно. Через несколько секунд послышался голос.

– Что у тебя? Поймал мальчишку?

– Нет, о величайший! Они растворились как вода в океане...

Эпитет Аполлиносор придумывал долго, помня о склонности своего патрона к поэзии. Но ожидаемого впечатления не произвел.

– Так я и думал. Ты совершенно бесполезен!

Аполлиносор повесил нос, заметив, кстати, что Чернозубый хоть и стоит поодаль, как велено, но изо всех сил тянет шею и пытается услышать хоть обрывки разговора.

– Я готов отдать свою жизнь за вас, о величайший...

– Мне не нужна твоя жизнь, червяк! Мне нужен мальчишка!

– Но Солнцеликий, ведь вы... вы можете увидеть его... сами! Ничто не скрыто от ваших глаз!

В ответ раздалась тирада, смысла которой Аполлиносор не понял, но по ее эмоциональной окраске догадался, что и богам свойственно сильные переживания выражать руганью.

– Мне действительно ведомо все, – успокоившись, сказал Аполлон. – Мне ведомо будущее. И в нем я вижу, что если ты не найдешь для меня мальчишку, то получишь такое наказание, которое...

– Не могу себе представить, – с отчаянием воскликнул Аполлиносор. – Но какой смысл пугать меня тем, что я не могу даже представить? Лучше скажите – где я могу найти этого мальчишку! Куда он пошел?

Некоторое время был слышен только треск прогорающих дров. Аполлиносор гадал, насколько он перешел границы и насколько близко к нему неведомая напасть. Но раздавшийся голос Аполлона, как ни странно, был спокоен.

– Я знал, что ты попросишь об этом. Вот... – пламя вспыхнуло, в нем что-то появилось. – После нашего разговора возьми этот шарик. Это *арцет*. Он покажет тебе направление. Если уж и это тебе не поможет...

– Поможет, поможет, – заторопился Аполлиносор. – Спасибо, о Солнцеликий, по возвращению в храм, после того, как я успешно выполню все, что вы мне поручили, конечно, я принесу вам неисчислимы жертвы.

– Не сиди на месте, – перебил его голос. – Вперед.

Огонь горел еще несколько минут, но как ни вслушивался Аполлиносор, более он ничего не услышал.

* * *

Папсуккаль появился только утром. Азрик, отупевший от горя, отошел за остаток ночи на порядочное расстояние, потом без сил свалился на песок. Спать не мог, просто лежал и смотрел в светлеющее небо.

Великий визирь небесного Ашшура был он сух и деловит.

– Наконец-то!

– Папс... меня изгнали!

– Я понял. Печально, да. Азрик, у нас мало времени. Сначала проверь *арнум*... ну, тот песок, который мы собрали!

– Ты что, не слышишь? Меня изгнали! Я теперь один!

– Я все прекрасно слышу. Слушайся теперь меня, и все у нас будет хорошо.

– Что хорошо! Меня изгнали! Моих родных перебили из-за меня! Маму, сестер... только маленькая Гювенд...

Азрик не сдержался и снова заплакал. Папсуккаль стоял и смотрел на него, склонив голову.

– Отревелся? – спросил он, дождавшись паузы.

– Нет, – угрюмо ответил Азрик. Слезы откуда-то брались и брались, текли не переставая.

– Слезами горю не поможешь.

– А чем поможешь?

– Делами. Твоя тетка права. Искали тебя. Не нашли. Будут искать дальше. Значит тебе нельзя быть с ними.

– А зачем меня искали? И кто? Я же ничего не сделал!

– Ты сделал. Ты очень много сделал. Но сейчас – хочешь отомстить тем, кто убил твою мать, разорил твою семью? Тем, кто стал причиной твоего изгнания?

Слезы высохли. Азрик почувствовал, как в груди разгорается незнакомый ему огонь.

– Да, хочу!

– Хорошо. Значит нужно во всем разобраться. Я тебе помогу. И еще нам поможет то, что ты собрал у скалы. Разверни его и посмотри.

Азрик послушался. В нем вдруг зародилось что-то новое, что делает взгляд тверже. Впервые в его жизни.

Он вытащил из мешка сверток. Завернутый в несколько слоев ткани песок слипся, слежался и сейчас представлял собой тяжелый комок с неровной, шершавой, царапающейся поверхностью. Папсуккаль подошел и встал рядом, его глаза горели...

– Да, это он, – прошептал он. – Это *арнум*.

Его ладонь легла на комок и вздрогнула, словно уколовшись.

– Что такое *арнум*?

– В свое время узнаешь!

– А когда оно наступит, мое время?

– Скоро, очень скоро... дай-ка подумать...

Папсуккаль наморщил лоб. Потом взбежал на большой камень неподалеку, долго осматривался. Вернулся немного мрачный.

– Мне нужно повидать старых знакомых. Слишком долго я спал в этом вашем... Папсе. Я чувствую знакомые вкусы и запахи, но далеко – вон за теми горами. Это Ханаанские горы. За ними – страна Ханаан. Там должны меня помнить.

– Не знаю никакого Ханаана. Это хребет Энли. Он неприступен, зачем нам туда?

– Нет неприступных гор, мой мальчик. Эти горы когда-то перевалила огромная армия... а там, где прошла армия, там пройдет и мальчик вроде тебя.

– Это же очень далеко! Я не дойду!

– Дойдешь. Ты еще не знаешь пределов своих сил...

Грозные горы пугали. Азрику было страшно, но он вдруг понял, что есть что-то, ради чего он не испугается никаких гор. Никогда.

– Хорошо.

– Хочешь есть?

– Нет, не сейчас. Хочу пить.

– Ближайший родник я чувствую у скал, что прямо перед нами. Давай, устраивай свои дела, встретимся там.

– А ты куда?

– Я еще схожу в одно место.

– Ты будешь лепешку?

Папс усмехнулся.

– Нет, но спасибо, что предложил.

Родник нашелся именно там, где указал Папсуккаль, у большой скалы. Азрик напился, умылся и уселся ждать напарника.

Папс скоро появился. Лицо его было озабоченным, он критически осмотрел Азрика, в особенности его босые ноги.

– К путешествию ты готов неважно, – мрачно заявил он. – Ну, да ладно, главное – сделать первый шаг. Пошли.

– Подожди, – остановил его Азрик. – Если мы пойдем в Ханаан, то как я смогу отомстить тем, кто убил мою маму?

Воспоминания о родных уже не вызывали немедленных слез. Вместо них в нем зарождалось что-то другое. Азрик берег это чувство. Ему казалось, что на него можно опереться.

Папсуккаль кивнул.

– Понимаю тебя. Но им нужен ты. Поэтому тебе не нужно их искать. Они сами пойдут за тобой.

* * *

В пепле лежал маленький шарик. Аполлинон взял его двумя пальцами – не горячий.

– Эй, все сюда!

Продемонстрировав свою находку, жрец важно заявил.

– Боги не оставляют нас своей помощью! Нам нужно найти мальчишку – вот этот шарик приведет нас к нему!

– Как? – бестактно спросил Чернозубый.

Аполлинон повертел шарик в пальцах. Аполлон не дал ему никаких инструкций.

– Вероятно, нужно... просто бросить, и он покатится туда, куда нам нужно? – подсказал Пульций.

Брошенный шарик прокатился около двух шагов и застрял в песке.

– И куда идти? – спросил Чернозубый.

– Туда, куда шарик показал. Это *арцет*! – сказал растерянный Аполлинон.

– *Арцет*... – Чернозубый поднял шарик и повертел его в руках. Потом бросил его в противоположном направлении. Шарик послушно покатился туда.

– Так куда идти-то? – с едва скрытой издевкой снова спросил Чернозубый. – Куда его бросишь – туда он и катится.

– Давайте в сторону дома его бросать, – сказал Кудра. Остальные заржали, Чернозубый присоединился к смеху.

– Если его нам дали боги, тогда нужно, наверное, что-то сказать перед броском, – рассудительно сказал Пульций. – Помолиться, может.

Аполлинор поднял шарик. Закрыв глаза, произнес заученные еще в детстве слова, снова бросил. *Арцет* покатился в третьем направлении.

– Не работает, – констатировал Чернозубый.

– Должен работать, – упорствовал Аполлинор. – Должен!

Пульций поднял шарик снова. Внимательно его осмотрел, протер ладонью, счищая налипшие песчинки. Глубоко вздохнул, закрыл глаза, потом бросил, изогнувшись как при игре в шары. Губы его шевелились.

Шарик повел себя странно. Сразу после броска он летел туда, куда его направил Пульций, но коснувшись земли резко изменил направление и покатился в другую сторону.

– Что ты сделал? – спросил Аполлинор.

– Я просто спрашивал про себя, где то, что нам необходимо. Ну, то есть где этот мальчик, которого мы ищем.

– Ага, я так и думал, – важно заявил жрец. – Просто проверял, догадаетесь ли вы.

Он взял шарик, подул на него, потом, повторяя все тот же вопрос, бросил. Шарик повел себя так же как в предыдущий раз – летел в одном направлении, но при соприкосновении с землей катился совсем в другую сторону. Бросали его все в разные стороны, но катился он в одну и ту же.

Правда, катился совсем недолго – не больше двух шагов.

– Собираемся, – скомандовал Аполлинор. – Направление нам известно. К вечеру хотелось бы, чтобы этот мальчишка был у нас. Надоели мне эти места.

С ним все согласились.

* * *

Пастуху обычно не приходится долго ходить. И он имеет возможность отдохнуть, если устал или ударил ногу о камень.

Азрик был невысок для своего возраста. Сил для дальнего перехода ему хватало – но человеческая кожа плохо противостоит скалам. Пока они шли по холмам – все было нормально, но потом тропа пролегла выше и нога Азрика попала меж двух камней.

Ссадина была небольшой, неподалеку был ручей и рос протвяник. Азрик, втайне радуясь остановке, промыл ссадину и залепил ранку прожеванными листьями. Папсуккаль мрачно смотрел на него.

– Тебе нужны сапоги, – сказал он. – И одежда получше – в горах может быть холодно.

Азрик пожал плечами.

– Откуда у куртия сапоги, – ответил он давней поговоркой.

Вообще говоря, сапоги у куртиев были – например, у его отца. Но надевал он их далеко не каждый день. А где достал... бог его знает, где он их достал.

Папс отошел на пару шагов, склонился над ручьем. Поводил руками, хмыкнул, потом, ничего не сказав, отправился вверх по его течению. Азрика словно что-то толкнуло – он осторожно пошел вслед за ним.

Ушел Папсуккаль недалеко. Из-под скалы бил родник, дающий начало ручью, вода выточила в камне круглый бассейн. Папс подошел к нему, склонился, внимательно вглядываясь в воду. Потом сделал быстрое движение – словно ловил рыбу. В его руках, рассыпая брызги, извивалось что-то странное.

На первый взгляд, это действительно было похоже на рыбу, с длинным хвостом – или двумя? – маленьким телом и огромным количеством торчащих в разные стороны плавников. Оно извивалось, то обволакивая держащую его руку, то обвисая, как тряпка. Папс немного

постоял, держа существо на вытянутой руке, чуть погодя стал отщипывать от него кусочки. За оторванными кусочками тянулись длинные нити слизи, Папс ловко закручивал их вокруг пальцев. Существо закричало и забилося. Ручей взбурлил, словно пытаясь помочь ему.

Папс наматывал на руку полужидкие нити, существо двигалось все более вяло, ручей тоже успокаивался. Вернее, не успокаивался. Он словно умирал. Куда-то исчез блеск воды, она стала серой; дно заволокло, даже звуки почти затихли. Потом по поверхности пошла крупная рябь, словно там, под водой, кто-то сильно дрожал. Существо стало совсем маленьким и почти не двигалось. Папс потряс его, покачал головой и швырнул обратно в воду.

Булькнув, оно исчезло. Сначала ничего не происходило, только рябь стала чуть сильнее, родники словно иссякли – бассейн перестал наполняться, и вода с шумом, похожим на плач, ушла вниз.

Папсуккаль оглянулся на Азрика.

– Ты все видел?

– Да. А что это было?

– Ты все видел, – не обращая внимания на вопрос, повторил Папсуккаль. – Это проблема...

– Почему?

Папс помахал рукой – той, на которой были намотаны нити. Азрик заметил, что они разноцветные – красные, синие, зеленые, и что они продолжают пульсировать.

Раздалось бульканье. Родники словно нехотя выдавили из себя воду – мутную и неприятную. Бассейн снова стал наполняться.

– За этого не беспокойся, – словно отвечая на собственные мысли, сказал Папсуккаль. – Оклемается быстро. Это, – он кивнул на нити, – потому, что разговаривать духи воды не умеют. Не спросишь, что к чему. Приходится спрашивать их по-другому.

Он размотал одну из нитей, и, морщась, засунул один из концов себе в рот. Медленно высосал ее в себя, тщательно разжевал и проглотил.

– Ваал, – угрюмо сказал он и взялся за следующую.

Ел он без всякого удовольствия. Когда нити закончились, родник уже почти восстановился – лишь вода еще была мутновата, да в его журчании и бульканьи слышались жалобы и обида. Папсуккаль положил руку в воду – та отступила, потом забурлила и закипела, словно пытаясь вытолкнуть.

– Ну, не обижайся, – мирно сказал старик. – Это же я по необходимости.

Вода еще раз взбурлила, брызнула, капли заблестели на лице и бороде Папсуккаля. Тот улыбнулся и продолжал гладить поверхность воды. Та выгибалась, как нервная кошка.

– Там внизу, за карнизом, несколько веток в воду упали, – сказал Папсуккаль. – Сходи, убери.

Азрик послушался. Нога еще саднила, он ступал осторожно. В месте, указанном Папсуккалем, действительно течение перегородивали несколько упершихся в противоположные края толстых подгнивших веток. Чтобы их убрать, пришлось зайти в воду, та было хлестнула его по ногам, но потом успокоилась.

Через несколько минут ветки уже лежали на берегу. Ручей несся мимо, веселый, говорливый, весь пронизанный солнцем. Азрик посмотрел на свою ногу – ссадина чудесным образом прошла.

* * *

Арцет показывал только общее направление, идти, поминутно бросая, было неудобно. В итоге Чернозубый предложил просто выдерживать общее направление – замечать, куда покатится шарик, потом выбрать приметный ориентир и идти к нему, а там уже бросать снова.

Порядок следования установился следующий: сначала шли подручные Чернозубого, глядя по сторонам и при необходимости проверяя кусты и овраги, потом сам Чернозубый – рядом с носилками Аполлинора, замыкающими были свободный раб и Пульций.

Быстро идти не получалось, но Аполлинон надеялся, что этого хватит. Мальчишка не может далекой уйти, он устанет, разобьет ноги, ляжет спать – тут-то они его и возьмут. Торопиться некуда. Сам он задремал на носилках, ему приснилось, что он нашел-таки мальчишку и передал его Аполлону, но мальчишка в последний момент обернулся Чернозубым, а Аполлон объявил, что хочет взять его живым на небо и причислить к сонму олимпийских богов. От такой ерунды пришлось проснуться – голова болела, рабы еле тащились, с неба палило.

– А что с этим мальчишкой сделать надо? – заметив его пробуждение, спросил Чернозубый. Аполлинон с раздражением заметил, что старого разбойника словно и жара не берет – выглядит так, словно только что выпался.

– Доставить в храм, – коротко ответил он. Говорить не хотелось.

– А там что?

– Откуда мне знать? Что двигает богами? Нам этого не понять!

– Ну, хоть попробовать-то можно, – ответил Чернозубый. Очевидно ему хотелось почесать языком. – Мне вот кажется, что у богов все так же, как у нас. Тоже стремятся к богатству и славе, тоже крутятся, как могут...

– Ты думай, о чем говоришь! – не сдержался Аполлинон. – Какие богатства и слава? У них и так есть все богатства, какие только можно сыскать на земле. И слава их безмерна!

– А кому эти богатства принадлежат? – спокойно спросил Чернозубый. – Вот ты сказал – им. Им всем? Или у кого-то больше, у кого-то меньше? И разве не может тот, у кого меньше, захотеть большего?

– Ты замолчи, а? – слова Чернозубого поворачивали ситуацию стороной, которую Аполлонор никогда не принимал во внимание. И не хотел принимать. – Боги... нам их не понять. Понятно?

– Понятно, что ж тут непонятного, – откликнулся Чернозубый. – Но вот если прикинуть... вам бы зачем понадобилось искать кого-то? Вот так, сильно, чтоб все ваши слуги с ног сбивались. А?

– Ну, вот ответь, – раздраженно отозвался Аполлинон. – Ты же у нас спец по поиску.

– А что, и ответчу. Я бы искал в двух случаях. Если бы очень хотел его за что-то поблагодарить. И если бы хотел от него избавиться.

– А еще, – встрял в разговор догнавший их Пульций. – Если это окажется ваш давно пропавший родственник.

– Ага, – согласился Чернозубый.

– Если у него есть что-то, что мне очень нужно, – Аполлинон тоже решил принять участие в игре.

Чернозубый поднял палец.

– Во! А теперь давайте выясним, что из этого подходит к нашей ситуации.

– Ничего, – поспешно заявил Апполинон. – Нам неведомы желания богов.

Однако Чернозубый не обратил на него внимания.

– Итак, может ли Аполлон искать мальчишку для того, чтобы его отблагодарить?

Все погрузились в молчание. Потом Пульций, украдкой глянув на хозяина, проговорил:

– Вы ведь опоздали, да?

Аполлинон нахохлился и ничего не ответил. Чернозубый осклабился.

– Во! Значит, вы опоздали, а чтобы что-то там сделать нужен был человек, вот и подвернулся этот пастушок. Дело было сделано, но пастушок сбежал, не взяв причитающейся ему награды...

– Ничего я не опоздал, – процедил сквозь зубы Аполлинор. – Хватит, наговорились! Идите оба подальше...

Он откинулся на подушках. Пульций, виновато кивнув, приотстал, заняв свое обычное место за носилками, Чернозубый, пожав плечами, заторопился к своим.

* * *

Азрик вышел на гребень невысокого кряжа. За ним лежала узкая долина, за которой вздымался еще один кряж. И так, по всей видимости, до самого хребта Энли. А что дальше – даже подумать страшно.

Шлось хорошо, хотя живот уже требовал что-то туда положить. В тощем мешке помимо загадочного *арнума* болталась одинокая лепешка – половину он сжевал у ручья. Остальное Азрик берег, так как знал, что худшее на свете дело – ложиться спать с пустым брюхом. Идти с ним можно, а вот спать – нежелательно.

Папсуккаль направлял его – самого его не было видно, то ли снова скрылся в статуэтку, то ли шнырял по окрестностям. В нужный момент в голове слышался его голос – куда идти, где тропа, куда свернуть. Азрик пытался его звать, задавать вопросы, которые роились в голове, но все эти попытки Папс игнорировал.

Места были безлюдны, тропы – явно звериные, они легко ныряли под согнувшиеся деревья, которые Азрику приходилось обходить. Азрик, впрочем, не жаловался. Усталость притупляла боль от утраты мамы и сестер, от расставания с родными.

На спуске с кряжа он нашел еще один шумный ручей. Тот бежал откуда-то сверху, струясь по камням, тропа переваливала его в месте, где был настоящий водопад, высотой больше Азрика. Чуть ниже ручей разливался, образуя настоящий маленький пруд. Увидев его, Азрик почувствовал, насколько устал. Сел на берегу, напился, потом с наслаждением окунул натруженные ноги в воду. Вода ласкалась, мягко толкая его пятки, словно приглашала поиграть.

Рядом появился недовольный Папсуккаль.

– Чего разлегся? Надо идти.

– Я устал.

– Устал он... ты понимаешь, что произойдет, если тебя догонят?

– Ты же меня предупредишь? Их пока не видно...

– Не видно... – Папс уселся неподалеку. – Я не вижу далеко. Не могу удалиться от тебя больше, чем на сто шагов.

– Как это?

– Так. Эта статуэтка... этот ваш Папс. Ну да, благодаря ей я выжил. Но теперь она меня связывает.

– И что делать? Разбить ее?

– Ни в коем случае, – испугался Папсуккаль. – Этого делать не нужно. Я что-нибудь придумаю.

Азрик лег на спину. Снова небо... чистое, с белоснежными облаками. Близкое и далекое.

– А куда мы идем?

Со стороны Папсуккаля донесся тяжелый вздох.

– В страну Ханаан.

– Ты там знаешь кого-нибудь?

– Да, знаю, – Папсуккаль помедлил. Потом, едва подавляя раздражение, спросил.

– Ну как, ты уже отдохнул?

Азрик обдумал этот вопрос.

– Нет, не отдохнул. Сегодня дальше не пойдем.

Папсуккаль подскочил.

– Как это не пойдём? Нам надо идти.

Ноги Азрика гудели так сильно, что он и шагу ступить не мог. О чем и сказал своему спутнику.

– И что, ты тут останешься? Вот прямо тут?

– А куда мы идем? Не говори только про страну Ханаан! Скажи, куда мы идем вот прямо сейчас?

Папсуккаль поджал губы.

– Сейчас мы спустимся в долину. Потом надо будет перейти следующую гряду, за ней должен быть старый тракт. Он должен сохраниться. По нему ходят караваны, а раз так – значит там есть города и деревни. И там есть храмы. В храмах я узнаю кое-что и смогу тебе точно ответить, куда мы пойдём дальше.

– А что ты узнал у того... речного духа?

– Ничего я не узнал, – проворчал Папсуккаль. – Молодой больно.

– А кто такой Ваал?

Тот подскочил.

– Ты про него как услышал?

– Когда ты съел того духа, ты сказал это. Ваал.

Папсуккаль покрутил головой.

– Много будешь знать – мало будешь жить. Все, хватит, пошли!

– Не пойду, – заупрямился Азрик. – Я устал. А тут здорово.

Папс давил, угрожал, заставлял, и еще два дня назад Азрик послушался бы его. Но сейчас в нем было что-то, что позволяло упорствовать. Он понимал, что если сейчас ему удастся отдохнуть – тогда на следующий день он сможет пройти больше. Он отстаивал свою точку зрения. Это было странно, немного страшно, но еще – очень здорово.

В итоге ему все же удалось настоять на своем и они остались ночевать там, у маленького озерца. Азрик съел лепешку и еще раз умылся. Перед тем, как лечь спать, он пристал к Папсуккалю с вопросами. Кое-что из упрямого старика удалось вытянуть – за обещание на следующий день встать пораньше и идти весь день.

Папс не знал, кто именно дрался перед той скалой. Какие-то могучие боги. Двое помельче похитили того, что крупнее, и утащили в подземный мир. Доспехи и шлем должны были лишить его силы, но, видимо, что-то у них не срослось, и у крупного осталось их достаточно для того, чтобы едва от них не вырваться.

Песок, который они собрали, содержит часть силы крупного. Папс, например, если найдет способ его съесть – сам станет очень сильным. Однако проблема в том, что этого он сделать не может – сейчас, слипшись в комок, этот *арнум* не виден, но если раскрыть его и начать использовать – прибегут все боги со всей округи, *арнум* отберут, а их просто уничтожат.

Знают ли боги о том, что *арнум* у них? Этого Папсуккаль сказать не мог. Возможно, его ищут как раз из-за этого, хотя сам Папс считал это маловероятным. Если бы боги узнали о таком количестве *арнума*, скорее всего тут вся округа кишела бы ими. По его мнению, Азрик просто видел то, чего ему видеть не положено – и ему хотят заткнуть рот.

В страну же Ханаан они идут потому, что тамошние боги – давние друзья Папса, кое-чем они ему обязаны и должны помочь. Но это уже его дело, а никак не дело Азрика.

А кто именно за ним гонится, почему они убили всю его семью – Папсуккаль не знает.

Перед сном Азрик по старой привычке вознес хвалу всем, в том числе – и особенно – Папсу. Назвав его полным именем и – для разнообразия – великим визирем. Папсу это очень понравилось. Он сказал, что научит Азрика полной формуле, это будет хорошо и для него, и для самого мальчика. Потом Азрик уснул.

* * *

Аполлинор мрачно смотрел на *арцет*. Они стояли перед невысоким горным кряжем, и подарок Аполлона упрямо показывал, что их цель – в этих самых горах. Или за ними. Надеждам на то, что они быстро достигнут мальчика, пришел конец.

– Этот подлец, видимо, знает, что за ним гонятся, – заявил Чернозубый. – И полетел во все лопатки. Но он все равно далеко не мог уйти. Он, может быть, прямо за этой скалой.

Слова Чернозубого обнадеживали, но как обойти эту скалу? Нужно искать проход, тропу, а там... поминутно бросать *арцет*, выясняя, где этот гаденыш спрятался? Да и в конце концов понятно, что на носилках в эти дебри не сунешься. И думать об этом нечего. А идти пешком – об этом даже речи быть не может.

Выход напрашивался сам собой. Он, Аполлинор, отправится домой, а все поиски организует Чернозубый. Для того, чтобы тот не баловал, можно оставить с ними Пульция в качестве командира. Да, без секретаря будет затруднительно, но он уж как-нибудь обойдется. Тем более, что с *арцетом* поиски не должны затянуться надолго. Пленив мальчишку, Чернозубый приведет его к нему, получит причитающуюся ему награду, а дальше уже дело Аполлинора.

Чернозубый с планом полностью согласился. Пульций явно имел что-то против, но грозный взгляд Аполлинора не дал ему раскрыть рта. Так что в итоге все сложилось самым что ни на есть удачным образом.

Отдав последние распоряжения, жрец отбыл, оставив *арцет* на попечении Пульция и строго наказав ему следить за Чернозубым и его шайкой, держать их в строгости. Пульций, не скрывая горестного лица, обещал исполнить все в точности. Сразу после того, как носилки жреца скрылись за холмом, Чернозубый отобрал *арцет* у Пульция, еще раз определил направление, разделил свой отряд надвое, и они углубились в горы по двум разным тропам.

* * *

В мире богов, как и в мире людей, много разных мест. Одни известны всем, и туда может прийти каждый, другие известны немногим, и там может оказаться лишь посвященный, третьи неизвестны почти никому, и попасть туда можно лишь по приглашению хозяина этого места.

Озеро, окруженное чудным лесом и обрамленное полумесяцем галечного пляжа относилось к последним. По его берегам росла высокая и сочная трава, эту траву ели животные – крупные овцы и козы, коровы, а также те, кого и не определишь толком – огромный то ли рак, то ли скорпион, или многоножка ростом со свинью, робко выглядывающая из-за стволов.

Хозяин этого озера – Митра. Обычно он сидит на пляже, опираясь спиной о большой камень. Ноги задраны на другой, на коленях мозаичное панно – схимма, на котором вспыхивают непонятные образы – то мелькающие по его поверхности, то вырывающиеся за его пределы. По краю схиммы – два ряда выпуклых кнопок.

Вода тихо плескалась, едва не касаясь небрежно сброшенных сандалий. Лес шумел, в этом шуме слышалась тревога, она передавалась животным – то одно, то другое поднимало голову, поводило носом, вопросительно смотрело на хозяина. Но видя его безмятежную позу успокаивалось и возвращалось к своим нехитрым делам.

Пальцы Митры перебирали элементы мозаики, перед ним мелькали то объятый пламенем храм, то падающие статуи, то бегущие кричащие люди, по которым откуда-то сверху били молнии. Он тронул одну из кнопок – и словно увидел то же самое чьими-то глазами. В разных местах – одно и то же, разрушения и хаос.

Митра откинулся на спину, выгнулся. К нему, хрустя галькой, подошел большой осел. Остановился рядом, вопросительно глядя на Митру.

– Странно все это, – пробормотал Митра, то ли ослу, то ли самому себе. – Все храмы Юпитера разрушены. Другие стоят, но и там огонь едва теплится. Статуи Юпитера превратились в песок... да бог ты мой, просто поклясться его именем невозможно! Что там произошло?

Осел склонил голову, разрывая мордой гальку.

– Ну да, везде. Рим, Афины, Коринф, Александрия, Антиохия – везде так. Что это?

Осел машет головой.

– Надо сходить самому, – объявил Митра и легко встал. Осел заступил ему дорогу, Митра легко обошел его. – Нет, схожу один. Ты тут приглядывай.

Осел заревел, топнул ногой, из-под копыт полетела галька, но Митра, подняв свой лежавший на гальке посох и ловко вдев ноги в сандалии, уже скрылся между деревьев.

Осел долго смотрел ему вслед, потом еще раз топнул ногой и, помахивая хвостом, удалился в кусты.

Деревья вокруг озера росли густо, но перед Митрой они словно расступались. Он прошел полосу леса, стволы сомкнулись за ним. На опушке – туман, его нити словно светятся, они скрывают деревья так, что их не видно с двух шагов.

Митра пересек полосу тумана и вышел на старую дорогу. Посмотрел на ее камни, постукал по ним посохом – два, три, четыре раза. Дорога подрагивала под его ударами. Наконец, убедившись, что все в порядке, Митра зашагал по ней.

По обоим краям дороги – поле, с травой, жесткими кустиками, кое-где торчат большие камни. Чуть дальше от дороги поле покрывается туманом, еще дальше переходит в облака. В их разрывах видна земля.

Дорога привела Митру к старому храму, одиноко торчащему посередине голой каменной площадки. Его стены в трещинах, крыша прохудилась, ступеньки на входе полуразрушены, колонны в щербинах. Но Митра без страха зашел под его своды.

Он подошел к стене и несколько раз сильно ударил по ней посохом.

– Галга! – позвал он.

После нескольких ударов из щели вылетел Галга. Низенький, волосатый, коренастый и крепкий, он вытянулся из щели, перевернулся так, что стали видны крылья, натянутые между руками и поясницей. Легко приземлился на ноги. На плече виднелась полузатянувшаяся рана, но похоже, что она его ничуть не тревожила – рот растянут до ушей.

– Чего тебе?

– Чего это с тобой стряслось? Кто это тебя так?

– Не твое дело.

Митра усмехнулся.

– Какие новости? Что там на Олимпе случилось, знаешь?

Галга пожал широкими плечами, глаза у него плутовские.

– Откуда мне знать. Было все нормально, а потом вдруг – раз, и все будто перевернулось. Я слетал, – тут Галга замялся, явно не желая рассказывать все в подробностях. – Все выходы у себя они закрыли. Переполох...

– Переполох, – повторил Митра. – Надо бы нам, видимо, в Рим сходить, а?

Галга поежился.

– Прошлого раза тебе мало?

– Мало, не мало... сейчас у нас время есть, подготовимся.

– Апостолов своих пошли!

– Угу, – задумчиво кивнул Митра. – Пошлю, конечно. Только они одни не справятся.

* * *

Проснулся Азрик очень поздно. В животе подвывало, но это было нормально. В мешке лежала еще целая лепешка, так что пока проблем с этим не предвиделось.

Никуда не торопясь, он напился из ручья – и снова ему показалось, что вода мягко толкает его, словно играя. Он погладил ее. Папса нигде не было видно. Азрик привел себя в порядок, умылся и начал потихоньку спускаться вниз, в долину.

Склон был очень неровным, пересеченным оврагами, сам кряж описывал дугу, так что иногда для того, чтобы спуститься, следовало подняться. Азрик как раз одолел один из таких подъемов, дальнейшая дорога вниз терялась в зарослях – когда на него налетел Папсуккаль.

– Быстрее, – прошипел он. – И не туда, сюда... нет, подожди – тебя видят! Ложись!

Азрик хлопнулся на живот. Он был на узком гребне, откуда была видна площадка, на которой он ночевал. Там сейчас стояли четверо, взрослые и вооруженные. Азрику показалось, что кого-то из них он узнал.

Они словно играли в камни. Один из них, с густой черно-седой бородой швырнул перед собой биток, поводил головой, потом все они как по команде подняли головы и уставились прямо на Азрика. Хорошо, что он успел лечь – его скрывали кусты.

Чернобородый поискал биток в траве, поднял и повторил бросок – и снова все посмотрели в его сторону. Азрик так испугался, что чуть не вскочил, чтобы немедленно убежать. Его остановило шипение Папсуккаля.

Пятеро немного посоветовались и быстрым шагом покинули поле зрения. Отправлялись явно за ним.

– Откуда они взялись, – шепотом спросил Азрик. – И что они там кидали?

Лоб Папсуккаля пересекла глубокая морщина.

– Мы пользовались такими игрушками, – медленно сказал он. – Они...

Он заозирался по сторонам, потом вытянул руку.

– Видишь вон тот утес? Ты должен успеть добраться туда до того, как они спустятся. Бросать здесь, на склонах, они не будут, сейчас она указывает на долину, и они думают, что ты там. Если ты успеешь туда – они подумают, что ты пошел по ней.

Азрик понял и с максимальной скоростью побежал по гребню, не забывая пригибаться. Кряж изгибался дугой, но за утесом по какой-то странной причине делал резкий поворот. Вслед за ним изгибалась и долина. Если преследователи спустятся здесь и бросят эту свою игрушку, то подумают, что он успел уйти за поворот.

С гребня он сошел в седловину, заросшую невысоким лесом и там побежал со всех ног. По усыпанной хвоей пружинящей земле бежать было легко и он даже успел, как когда-то, представить себя птицей, которая вот сейчас, раскинув крылья, взмлет в небеса. Но тут начался подъем, мысли кончились, а вскоре кончилось и дыхание.

Азрик был вынужден замедлиться, потом и вовсе остановился, держась за ствол. Нога болела – наступил неудачно на камень, хорошо еще, что не разбил. Перед глазами плясали разноцветные круги.

– Поднажми, – послышалось сверху. Там маячил Папсуккаль, его лицо было злым и решительным. – Скорее. Скорее. От этого зависит твоя жизнь!

И Азрик поднажал. На его счастье, заросли проредились, бежать было относительно легко – порой казалось, что самые крутые участки снабжены ступенями. Ему пришлось еще один раз остановиться – ноги тряслись, грудь разрывалась на части, но, подгоняемый Папсом, он наконец взлетел на утес, господствовавший над всеми окрестностями.

Он успел. Даже отдышался к тому времени, когда его преследователи вышли из леса на траву долины. Азрик снова увидел их ритуал определения направления – как и предполага-

лось, они все разом, как по команде, посмотрели на поворот. Прodelали все заново, потом столпились и начали что-то обсуждать.

– Их было больше, – сказал Папсуккаль. – Здесь их мало – значит они разделились. Наше счастье, если решат подождать остальных.

– А если нет?

Папсуккаль не ответил. Он выпрямился, посмотрел по сторонам, потом прошелся по площадке, на которой они находились.

– Ничего странного не замечаешь?

– Чего странного?

– Ровная площадка. А тут – словно укрепление?

Действительно, с одной стороны высилась стенка, сложенная из плоских, положенных один на другой камней, высотой по грудь мальчику. Половина камней давно вылетела и валялись тут же.

– А ведь это – наблюдательный пункт, – проговорил Папсуккаль. Он пробежал кругом площадку, словно что-то вынюхивая. – Иди-ка сюда!

Азрик бросил взгляд на долину – пятерка уселась прямо в траве, видимо решив-таки дожидаться остальных. Потом посмотрел по сторонам – действительно, отличный наблюдательный пункт. Все вокруг как на ладони. Видно, что за следующей грядой – другая, гораздо более широкая долина. Видны холмы, а за ними, вдали высятся уже настоящие, грозные горы. Хребет Энли.

Он подошел к Папсуккалю. Тот кружил по маленькой полянке, она была ниже площадки на утесе.

– Здесь они должны были находиться долго, – шептал Папсуккаль. – Я вспоминаю эти места!

Он кружился по поляне, хлопая по земле и резко поднимая ладони. От земли за ними тянулись словно узкие струи пыли, они завивались вокруг рук, потом опадали.

– Давай... копай здесь!

В дальнем конце полянки высились странные холмики, Папсуккаль нетерпеливо топал по одному из них.

– Давай, давай, давай!

Азрик пожал плечами – ему показалось, что у них есть и более важные дела, нежели заниматься раскопками. Но послушался – сначала попытался копать руками, понял, что это мало к чему приведет и сломал толстую ветку с засохшего кедра неподалеку. Так дело пошло быстрее.

Сняв верхний слой переплетенного корнями дерна, Азрик потянул за то, что ему сначала показалось сгнившей толстой веткой. Но та вдруг сломалась, и в руках Азрика оказалась кость.

Мальчик вскочил.

– Что это?

– Копай, копай дальше, – нетерпеливо подгонял его Папс.

Азрик последовал его приказу. В итоге его добычей стали, помимо некоторого числа костей, две бронзовые печати, дырявый шлем, бронзовый топор с истлевшим топорием и две тяжелые желтые пластины, богато украшенные резьбой. При виде них Папсуккаль издал радостный клич.

– Это что, золото? – спросил Азрик. Он никогда раньше не видел золота.

– Да, мой мальчик... наконец-то нам повезло!

Азрик пожал плечами. Слабо верилось, что два таких кругляша смогут им помочь, особенно в ближайшее время. Он затолкал находки в свой мешок и продолжил копать, однако больше добычи не было, только кости и еще пара один дырявый шлем. Весь перемазанный в земле, он поднялся на утес.

Преследователи все так же сидели на месте. Видимо, второй отряд задерживался.

– Что теперь будем делать?

Папсуккаль задумался.

– Нам нужно выйти вон на тот тракт и добраться до какого-нибудь поселения.

– А как?

На первый взгляд, задача выглядела неразрешимой. Внизу – преследователи. Азрик умеет быстро бегать, но они его быстро догонят. Сейчас они думают, что он идет по долине, но когда они зайдут за поворот и снова бросят свою штуку на землю – та покажет направление на Азрика. Сообразить, что он остался в горах, им будет нетрудно, а там чего проще – половина отряда останется его сторожить внизу, а вторая половина поднимется, чтобы схватить.

Папсуккаль, видимо, это понимал – он погрузился в угрюмые размышления. Азрик присел рядом. День уже клонился к вечеру – он решительно вынул из мешка последнюю лепешку.

* * *

Чернозубый не торопился. Они бросали *арцет* трижды за день – он показывал, что направление не меняется, то есть парень от них никуда не денется. Так что можно спокойно дожидаться, когда к ним присоединятся остальные.

Отряд Вережки подошел к ним, когда тени уже удлиннились. С Вережкой был Пульций, он потребовал отчета. Чернозубый дал его. Пульций начал было размахивать руками – мол, нужно немедленно идти и брать пацана. Но Чернозубый только рассмеялся.

– Я не собираюсь хватать его сразу же, – откровенно объяснил он секретарю. – Чем дольше мы ловим этого парня, тем дороже он становится. Усек?

Пульций не успокоился. Ломая руки, он причитал:

– Господин Чернозубый, лучше вам его поймать и привести к господину Аполлинору как можно скорее. Вы не понимаете...

– Что именно я не понимаю?

Пульций покраснел, потом побледнел.

– Тут ведь не простое дело... это не прихоть и не желание моего господина! Это... воля богов!

– Воля богов была, чтобы господин Аполлинор пришел в долину и что-то сделал, но господин Аполлинор этого не сделал. То есть он нарушил волю богов?

Пульций сглотнул.

– Я... я не знаю. Но вам, вас... я умоляю. Это может очень плохо закончиться. И для вас, и для меня.

Чернозубый похотывал, глядя на трясущегося Пульция.

– Баста! Завтра, может быть, и возьмем его. Но сразу в Дамаск я не пойду. Пошлю гонца, попрошу, чтобы господин Аполлинор прислал еще денег... да не трясись ты, тебе тоже обломится!

Пульций чуть-чуть успокоился.

– Лучше его взять побыстрее... честное слово, это в ваших интересах!

– Ага, моих... а вот ты слушай-ка меня. Расскажи мне, с кем твой господин в столь... близких отношениях?

Пульций вздрогнул.

– Вы не знаете?! Господин Аполлинор – верховный жрец храма Аполлона! С кем бы еще...

– Тихо-тихо, – поднял руку Чернозубый. – Кто такой господин Аполлинор, я знаю. Но мне интересно – ты что же, считаешь, что он действительно разговаривает с самим Солнцеликим Аполлоном? И не трясись ты!

Секретарь его не послушался, он трясся и мотал головой, так что Чернозубый наклонился и дал ему сильную пощечину.

– Ну, пришел в себя, – спросил он Пульция. – Теперь отвечай.

Пульций затравленно огляделся. На него смотрели ухмыляющиеся рожи. Ни капли сочувствия.

– Да, это сам Великий бог Аполлон.

– И ты в это веришь? Чтобы этот мозгляк, думающий только о собственном брюхе и чреслах, заинтересовал Великого бога Аполлона?

– Я не знаю, – тщательно выговаривая слова, медленно сказал Пульций. – Я не присутствовал при их разговорах. Я вижу лишь их последствия. Сам Аполлинон верит, что это именно Аполлон.

– Сам, значит, верит... – фыркнул Чернозубый.

– Что же касается, – голос Пульция окреп, – причины, по которой избранным оказался господин Аполлинон, то она проста. Избран был не он, а его далекий предок. И с тех пор этот статус переходит от отца к сыну.

Чернозубый покачал головой.

– Ты же понимаешь, что это все звучит...

– Понимаю. Но я могу сравнивать. Господин Аполлинон взволнован. Так, как никогда прежде. И это значит, что мальчик ему действительно нужен. И если вы поможете ему в этом, тогда получите щедрую плату. Но если будете препятствовать – может последовать наказание!

Пульций снова обвел глазами окруживших их громил, и на этот раз кое-кто из них опустил глаза.

– Остынь, остынь! – Чернозубый поднял обе руки. – Вот уж кто совсем не хочет ни в чем препятствовать господину Аполлинону, так это я и все мои друзья, не так ли? – он обвел глазами свою банду, те старательно закивали. – Просто лично я не вижу никакой надобности в спешке. И ты меня покамест не убедил. Что касается этого паренька... Вербка!

Один из его подручных без замаха кинул *арцет*. Тот прокатился по траве и замер.

– Видишь, направление не меняется. Значит никуда он не идет. Вечер, скорее всего, он устал и решил отдохнуть. Ночью он никуда от нас не денется. А завтра мы его возьмем теплое. Наверное, – Чернозубый подмигнул Пульцию и захохотал.

Пульций вздохнул.

– Вы хотя бы отправьте кого-нибудь вперед. Чтобы самому быть спокойным. Ну, мало ли.

– Ты не веришь в *арцет* Великого бога Аполлона?

– Конечно же верю! Но все же...

– Вот верь и не волнуйся. Я же не волнуюсь. Никуда он от нас не денется.

* * *

– Я должен сходить туда, к ним, – объявил Папсуккаль.

– Сходи, – отозвался Азрик.

Он был не голоден – спасибо семье. Неподалеку прямо из скалы бил родник – так что он смог напиться и умыться. Пока все было нормально. Преследователи устраивались на ночлег – они никуда не торопились. Ему не уйти, но Папсуккаль наверняка что-нибудь придумает. Так что ему не было страшно. Почти.

– Я должен побывать там, посмотреть, чего это они там кидают, – сказал Папс. – Ты понял?

– Понял я, понял, – отозвался Азрик, но потом вдруг до него дошло. – Ты хочешь сказать...

– Я не могу далеко отходить от этого идола, – губы Папсуккаля изогнулись в недоброй усмешке. – Во всяком случае – пока.

– Так возьми его с собой!

– Тоже не могу. Ты же не сможешь сам себя поднять и куда-нибудь перенести?

Азрик был бы рад оказаться способным на такое, но увы.

– И я не могу. Поэтому...

– Давай я просто в их сторону ее брошу?

– Не давай, – прошипел Папсуккаль. – Давай лучше ты встанешь и пойдешь?

– Не хочу!

– А ты захоти! Жить хочешь? Отомстить за маму хочешь?

Азрик изо всех сил ударил кулаком по земле.

– Хочу! Хочу! Но что я могу сделать? Я – маленький и слабый, сам это говорил! Ты – вообще бесплотный, ничего не можешь! Что мы можем?!

Папсуккаль протянул было руку, словно хотел коснуться мальчика, но передумал.

– Мы много чего можем! – горячо сказал он. – А вскорости сможем еще больше! Я тебе обещаю!

– И что мне сделать? Прокрасться в их лагерь?

– Нет. В лагерь не надо! Просто подойди как можно ближе... На сто шагов, или еще лучше на пятьдесят.

– И что произойдет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.